

"Лично я всегда старался выразить сюжет технически, строя свою работу на основе технического выполнения, как музыкант-виртуоз, а не как музыкант-композитор".

Николай Фешин о своём творческом методе

Илья Ильф и Евгений Петров, путешествуя по Америке в середине 1930-х, встретили в индейском городке Таос некую даму, говорившую поруски и, более того, прибывшую когда-то из России. В своём путевом романе "Одноэтажная Америка" наши сатирики подробно описали тот изумительный случай. Найти русскую женщину в заперённом Таосе! Она уехала в двадцать третьем году из Казани. Муж её — художник Фешин, довольно известный в своё время у нас. Он дружил с американцами из ARA (American Relief Administration — организация, помогавшей в ликвидации голода 1921-1923 гг. — Прим. авт.), ...которые были на Волге, и они устроили ему приплашение в Америку. Он решил остаться здесь навсегда, не возвращаясь в Советский Союз. Этому главным образом способствовал успех в делах. Картины продавались, денег появилась куча. Фешин, как истинный русак, жить в большом американском городе не смог, вот и приехали сюда, в Таос".

К 1935-му году Николай Фешин был практически забыт — за те двенадцать лет, что семья художника пребывала вдали от родины, в Советском Союзе произошла кардинальная трансформация бытия: не только появились революционные течения в искусстве, но и родилась новая цивилизация. Госпожа Фешина, меж тем, продолжала своё невесёлое повествование. Выяснилось, что семейная жизнь дала трещину и чета распалась: "Он теперь в Мексико-сити. Дочь учится в Голливуде, в балетной школе". Миссис Feshin осталась в Таосе одна. А ведь как романтически всё начиналось — тогда, в Казани, где мтр взял в жёны свою молодую студентку. Разумеется, Ильф и Петров уговаривали эмигрантку вернуться к родным пенатам и начать всё с белого листа, но Александра Фешина отрицательно качала головой: выбор сделан, а в Советской России она будет столь же чужая, как и тут, в штате Нью-Мексико.

...НЫНЧЕ СВОЕОБРАЗНАЯ МОДА на забытые имена, равно как на малоизвестные картины популярных авторов. Кого сейчас можно удивить "Боярыней Морозовой" или "Опять двойкой"? Устроители выставок ловят настроение толпы (образованной толпы!) и потому всё чаще отказываются от хрестоматийных экспонатов в пользу "незнакомцев", поднятых из мглы запасников или скромно маячивших вторым-третьим планом на сборных экспозициях. Зрительно всё чаще предлагают заново открывать для себя художников, некогда преподававших, блиставших, поражав-

ших. Тому пример — небольшая, но атмосферная и насыщенная выставка "Николай Фешин. Из собрания Государственного музея изобразительных искусств Республики Татарстан", открытая в Третьяковской галерее. Судьба Фешина неразрывно связана с Казанью — крупным университетским городом, интеллектуальным центром, оазисом творческой мысли. Евразийская столица русского мира! Будущий художник

мисской свадьбы", по мнению искусствоведов, ставшей отправной точкой в творчестве мастера. Первую не смогли транспортировать из Музея Академии художеств, а вторая после торгов Sotheby's уехала в частную коллекцию.

Фешин-выпускник мог бы остаться в Питере, но вернулся в Казань — там всё родное. Преподаёт в Казанской художественной школе, много пишет, ездит по окрестным деревням — там воздух чист и

возил её в Париж, бесконечно писал портреты, в коих прослеживается тонкая интимность, но женился на юной Сашеньке Белькович — её-то он потом и бросит в Таосе! Что касается Сапожниковой, она так никогда и не вышла замуж.

Её портрет в белом платье — центральная тема выставки. Надя предстаёт в наряде пушкинских времён, с характерной причёской — прямой пробор и локоны. В руке — закрытый веер. Такие ма-

чала себя лишь удобной моделью для того, кого искренне любила.

ЛУЧШЕЕ, ЧТО СОЗДАЛ Николай Фешин, — это детские изображения. Он с увлечённостью писал и свою дочь Ио, и крестьянских детей, и юных индейцев в Таосе. Один из примечательных экспонатов — портрет Вари Адоратской. Здесь явная переключка с Валентином Серовым и его "Девочкой с персиками" — тот же свет и колорит. Хорошенькая десятилетняя Варя написана сидящей прямо на столе, посреди фруктов и чашек. Рядом — любимая кукла. Дата — 1914 год. Возникает риторический вопрос: "Что ждёт её в грядущую годину?!" У этой малышки — потрясающее будущее. Дочь профессиональных револю-

тах знаменитого Дома на Набережной. А вот — симпатичный и упитанный Миша Бардуков. Портрет не был закончен, как утверждают искусствоведы, из-за конфликта с родителями ребёнка: Фешин узнал, что мадам Бардукова за глаза именовала художника "фитильской" из-за его худобы. Но даже в незавершённом виде картина смотрится полноценным произведением. Скоро все эти недоразумения и прочие фитильки будут казаться милым фарсом.

Грэнупла Революция и понеслись та-

чани Гражданской войны. Фешин, как и

большинство интеллигентов, слегка фрон-

дировавших при царе, был вынужден при-

знать, что "старый мир" обрушился не так

патетично, как он себе это представлял.

"Нужно сказать, что я и моя семья меньше

других пострадали от жестокой револю-

ции. Некоторые мои ученики неожида-

нно оказались на ответственных постах

в новом правительстве. Один из таких

учеников в самый разгар войны побесто-

коился обо мне, чтобы меня не трогали, и

я был под защитой", — вспоминал Фешин.

То есть, не трогали, а могли бы и тро-

нуть — время было зверское и brutаль-

ное. Рубили с плеча. Красные кони топ-

тали без особого разбора.

Художник попытался кое-как впи-

саться в новые реалии — его картины

1917-1923 годов не выглядят депрессив-

ными. Видно, что некий уже человек

старался найти точку опоры. Деревен-

ские и городские пейзажи, портреты уче-

ников, эффектные "ню" — всё, как

обычно. В 1921 году выходит красочный

альбом с репродукциями его лучших ве-

щей. Быт налаживается? Фешина всё

чаще прилаживался работать в комиссиях

и комитетах. Но не сложились: "Я чув-

ствовал, как день ото дня я бесполезно

терял мою творческую энергию, по-

скольку искусство использовалось только

в целях пропаганды". С карандашного

автопортрета 1921 года на нас — точнее,

поверх нас — глядит усталый мастер.

Когда блеснула возможность, Фешин вы-

брал Америку — там он ещё больше про-

славился, обрёл мешок долларов, напи-

сал мега-звезду немого кино Лилиан Гиш

в образе Ромолы. Ему рукоплескали

шлёклов-бриллиантовые Бандерлидхи

— коротко стриженные, дышащие

духами и прессычиением. Его дочь Ия

сформировалась уже истой американ-

кой, не забывавшей, впрочем, о своих

русских корнях и о той стране, которую

она потеряла. Надо ли осуждать Николая

Фешина за то, что не принял Советы и

удрал в заокеанский Парадиз, населён-

ный богатыми заказчиками? Думаю, нет.

У каждого — свой путь. Для Фешина

главной темой были всё же не деньги, а

свободное, ничем не ограниченное худо-

жество. Он и Сашеньку свою покинул не

ради какой-нибудь крошки из Голливуда

или очередной талантливой ученицы, а

потому что счёл, что жена — это пути. И

потому Бог ему судия.

Галина ИВАНКИНА

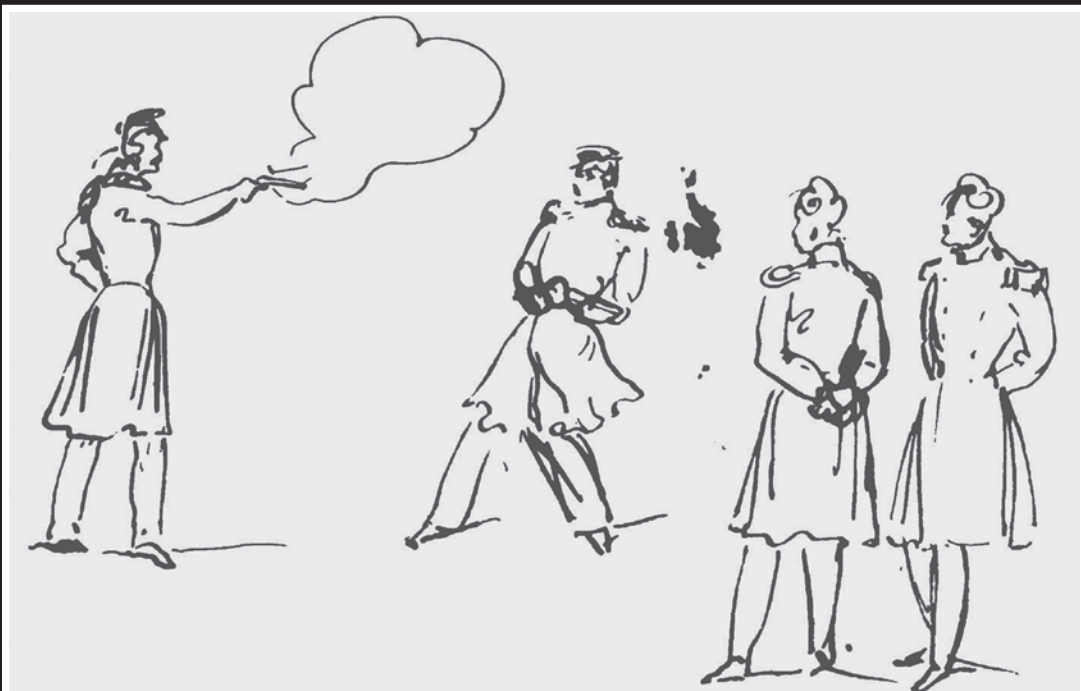

Рисунок М.Ю. Лермонтова "Дуэль", 1832 г.

ГИБЕЛЬ Михаила Юрьевича Лермонтова на дуэли с Николаем Соломоновичем Мартыновым 15 июля 1841 года (здесь и далее — даты по "старому стилю") была и будет предметом различных исследований, гипотез, а также домыслов: чересчур много сходится в ней важнейших для отечественной истории и культуры фигур и отношений между ними, чересчур много разных нитей тянется от неё и в прошлое, и в будущее.

"Мы находим много общего между интригами, доведшими до гроба Пушкина и до кровавой кончины Лермонтова. Хотя обе интриги никогда разъяснены не будут, потому что велось потаёнными средствами..." — написал об этом в 1880-х годах профессор Павел Александрович Висковатов, работая над фундаментальным изданием "М.Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество", вышедшим в 1891 году в издательстве В.Ф. Рихтера. И тут же назвал "главной пружиной" в смерти двух великих русских поэтов деятельность шефа корпуса жандармов и руководителя III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии графа Александра Христофоровича Бенкендорфа.

Жизнь, как говорится, богаче наших представлений о ней. Смерть, видимо, тоже. Поэтому любая версия тех или иных событий, связанных с чьей-то жизнью и смертью, особенно такого масштаба и значения, как жизнь и смерть Лермонтова, неминуемо будет грешить неполнотой и односторонностью. Ввиду вышесказанного не претендую на "истину в последней инстанции", хотел бы провести ещё одну линию, которая, на мой взгляд, почему-то практически отсутствует во всех имеющихся версиях трагической дуэли 180-летней давности на северо-западном склоне горы Машук.

Конечно, когда 28 января 1837 года 22-летний "некий господин Лермантов, гусарский офицер" написал своё ставшее знаменитым стихотворение "Смерть поэта" — его первый 56-строчный вариант: от строк "Погиб поэт! — невольник чести..." до "...И на устах его печать:" — смертельно раненый Пушкин был ещё жив. Согласно легенде, изложенной Петром Петровичем Семёновым-Тян-Шанским, Лермонтов побывал у гроба Пушкина в доме поэта на набережной Мойки (это могло случиться только 29 января 1837 года, когда известие о кончине поэта облетело всю Северную столицу. Первая редакция "Смерти поэта" была встречена благосклонно во всех слоях общества, сверху донизу, и мгновенно разошлась во множестве рукописных копий ("писков"). Хотя "в свете" гибель Пушкина восприняли очень по-разному: "партия Дантеса" оказалась чрезвычайно сильна, и в её рядах оказались многие родственники и друзья самого Михаила Лермонтова. В том числе — Николай Аркадьевич Столыпин, ровесник и двоюродный дядя Лермонтова, в ту пору — камер-юнкер, служащий Коллегии иностранных дел. Именно к этой "партии Дантеса" были обращены "дописанные" Лермонтовым к "Смерти поэта" 7 февраля 16 строк, которые почти сразу же, 11 февраля были достав-

лены "доброжелателями" Николаю I с припиской "Возвращаю к революции".

А вы, надменные потомки Известной подлостью прославленных отцов, Пятую рабскую поправшие обломки Иерую счастья обижённых родов! Вы, жадную толпой стоящие у трона, Свободы, Генция и Славы палачи! Таитесь вы под сению закона, Пред вами суд и правда — всё молчи!.. Но есть и божий суд, наперсники разврата! Есть грозный суд: он ждёт; Он не доступен звону злата, И мысли, и дела он знает наперёд. Тогда напрасно вы прибегнете к злословью: Оно вам не поможет вновь, И вы не сумеете всей вашей чёрной кровью Поэта праведную кровь!"

Вскоре было открыто дело "о недозволенных стихах", а 18 февраля 1837 года корнета лейб-гвардии Его Величества Гусарского полка Михаила Лермонтова арестовали и препроводили на гауптвахту. 25 февраля последовало высочайшее повеление о ссылке его на Кавказ в Нижегородский драгунский полк. Дальнейшие перипетии жизни и творческой судьбы Лермонтова достаточно хорошо исследованы, нет особой нужды все их здесь повторять. Стоит лишь обратить внимание на то, что "мязжежный сочинитель" дважды: в 1838-м и в 1841-м годах возвращался с Кавказа в Санкт-Петербург. Первый раз — благодаря хлопотам своей бабушки Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, обратным переводом в лейб-гвардию Гродненский гусарский полк, второй раз — благодаря заслуженному после боёв отдыху и хлопотам об отставке. Оба завершили ещё более жёсткими ссылками на Кавказ. В 1840-м — из-за дуэли с сыном французского посла Эрнестом Баррантом, состоявшейся 18 февраля, а также, вероятно, из-за участия в судьбе поэта императрицы Александры Фёдоровны, давшей Николаю I на прочтение только что вышедший "Герой нашего времени". Реакция монарха оказалась отрицательной: начав чтение, он отметил, что роман "хорошо написан", но, в конце концов, признал его "отравителем", и вынес суровый вердикт: "Счастливым путь, г. Лермонтов, пусть он, если это возможно, прочтисит себе голову в среде, где сумеет завершить характер своего капитана, если вообще он способен его постичь и обрисовать". К моментам общественно-политическим, как утверждает целый ряд исследователей досоветского, советского и постсоветского периодов, могли примешиваться и личные: к тому времени Лермонтов уже воспринимался как полноправный "преемник Пушкина", в том числе — и в женской половине царской семьи. Известно, что великая княжна Мария Николаевна, к тому времени герцогиня Лейхтенбергская, даже инициировала написание Владимиром Александровичем Соллогубом повести "Большой свет" (1840) — якобы узнав свои черты в образе княжны Мэри.

ТАК ЧТО ВТОРАЯ его кавказская ссылка, в отличие от первой, оказалась насыщенной боевыми действиями в сводном "чеченском отряде" (по сути — бригады, в составе шести с половиной батальонов пехоты, полутора тысяч казаков и 14 орудий) под началом генерал-майора Аполлона Васильевича Галафеева, где сразу был принят в команду "охотников" (в современной терминологии — спецназа), которую возглавил после ранения Руфина Ивановича Дорохова (сына знаменитого героя Отечественной войны 1812 года генерала Ивана Семёновича Дорохова). По письменному докладу Галафеева: "Невозможно было сделать выбора удачнее: всюду поручик Лермонтов первый подвергался выстрелам хищников и во главе отряда оказывал самоотвержение выше всякой похвалы". А вот выдержка из наградного листа от 24 декабря 1840 года на имя поручика Лермонтова, приложенного к рапорту полковника Владимира Сергеевича Голицына, командующего кавалерией в отряде Галафеева: "Во всю экспедицию в Малой Чечне с 27 октября по 6 ноября поручик Лермонтов ко-

роковая дуэль 2.0

180 лет назад погиб Михаил Лермонтов

мандовал охотникам, выбранными из всей кавалерии, и командовал отлично во всех отношениях, всегда первый на коне и последний на отдыхе, этот храбрый и расторопный офицер неоднократно заслуживал одобрение высшего начальства". Лермонтов даже ни разу не был ранен в бою, "не брали его ни сабля, ни пуля", хотя чело-век оказался в самой гуще схватки, в том числе — рукопашной, включая востепуег им битву на реке Валерик 11 июля 1840 года, но не брали его ни сабля, ни пуля. А на оба представления к боевым наградам Николай I не "изволил изъять монаршего согласия".

Второй приезд с Кавказа в Петербург, предпринятый в феврале-апреле 1841 года, закончился для поручика Тенгинского пехотного полка Лермонтова отказом в отставке с военной службы и новой поездкой на Кавказ, которая стала для него фатальной.

В самом начале апреля 1841 года вышел из печати третий номер "Отечественных записок" (главный редактор — Андрей Александрович Краевский), в котором было опубликовано лермонтовское стихотворение "Родина" ("Люблю Отчизну я, но странно любовью..."). Опять же, ряд исследователей считают эту публикацию "спусковым крючком" новой ссылки, но, не проявляя Лермонтова светской (считай — общественной) активности, не появляясь он всё ближе к высшим придворным кругам, наверное, всё могло сложиться иначе.

11 апреля 1841 года Лермонтов был вызван к дежурному генералу Главного штаба графу Петру Андреевичу Клейнмихелю (видимо, в то время — генерал-провантмейстер, произведён в генералы от инфантерии только через пять дней, 16 апреля 1841 года), который сообщил ему предписание в 48 часов покинуть Петербург и отправиться на Кавказ по месту службы, в Тенгинский пехотный полк. 12 апреля у Карамзинных состоялась проводы поэта, который на этом вечере впервые откровенно и долго беседовал с Натальей Николаевной Гончаровой, вдовой Александры Сергеевны Пушкина, которая была всего на два года старше Лермонтова и которой он до этого разговора чуждался. По свидетельству Александры Петровны Ланской, старшей дочери Натальи Николаевны в браке с Петром Петровичем Ланским, её мать вспоминала об этой встрече так: "Случалось в жизни, что люди подавались мне, но я знала, что это было из-за красоты. Этот раз была победа сердца, и вот чем была она мне дорога. Даже и теперь мне радостно подумать, что он не дурное мнение обо мне унёс с собою в могилу".

Через день, утром 14 апреля Лермонтов выехал из Петербурга, 17—23 апреля провёл в Москве, откуда и выехал на Кавказ. Из Тулы Лермонтов отправился в дальнейший путь вместе со своим "ближайшим другом", капитаном Нижегородского драгунского полка Алексеем Аркадьевичем Столыпиным-"Монго", младшим братом упомянутого выше Николая Аркадьевича, и заезжал с ним к Михаилу Павловичу Глебову в его имение Мишково Мценского уезда Орловской губернии.

В Ставрополь Лермонтов и Столыпин прибыли 9 мая. Остановиться в Пятигорске — якобы для лечения — им позволил начальник штаба войск на Кавказской линии и в Черномории полковник А.С. Траскин. С 15 мая Лермонтов и Столыпин совместно жили в Пятигорске — и, видимо, получив информацию об этом, царь Николай I в письме от 30 июня 1841 года потребовал, "дабы поручик Лермантов непременно состоял налицо во фронте, и чтобы начальство отнюдь не осмеливалось ни под каким предлогом удалять его от фронтовой службы в своём полку..." И это письмо, адресованное командиру Отдельного кавказского корпуса, участнику Бородинского сражения (командовал Фанагорийским гренадерским полком, оборонявшим Семёновские флеши), генералу от инфантерии Е.А. Головину, судя по всему, должно было успеть дойти по назначению. Фельдъегерская связь была намного быстрее, следовательно, не позднее 10-11 июля Головин должен был получить приказ от императора. И — не предпринял никаких действий, чтобы его незамедлительно исполнить, отправив Лермонтова из Пятигорска в полк?

Кстати, Убыхская экспедиция августа 1841 года, в которой принял участие Тенгинский полк, была одной из самых неудачных для русских войск операций Кавказской войны: по прибытии всех батальонов на сборный пункт к укреплению Святого духа, 6 августа 1841 года, в строю насчитывалось 2 807 рядовых Тенгинского полка; по возвращении полка в Тамань в строю осталось 1 064 человека. Из 361 унтер-офицера уцелело 140 человек; из 66 обер-офицеров — 35. Остальные были или убиты, или умерли от ран, или находились в госпиталях. Но Лермонтов погиб раньше.

15 ИЮЛЯ 1841 ГОДА, с шестого по седьмой час пополудни, в четырёх верстах от города Пятигорска, у подошвы северо-западного склона горы Машуки (Машук) собралась решить "вопрос чести" компания молодых офицеров:

Лермонтов Михаил Юрьевич, 26 полных лет, поручик Тенгинского пехотного полка, участник боя на реке Валерик, сочинитель, автор стихов "Смерть поэта", "Родина" и романа "Герой нашего времени". Убит с десяти-пятнадцати шагов выстрелом из дуэльного пистолета "кухенройтер" (Kuchenreuter).

Мартынов Николай Соломонович, 26 лет, уволенный от службы в чине майора, до февраля 1841 года — ротмистр по кавалерии, прикомандированный к Гребенскому казачьему полку, противник Лермонтова на дуэли.

Трубчиков Сергей Васильевич, 27 лет, корнет лейб-гвардии Кирасирского полка, прикомандированный к Гребенскому казачьему полку, участник боя на реке Валерик, муж фаворитки Николая I фрейлины Екатерины Петровны Мушиной-Пушкиной.

Столыпин ("Монго") Алексей Аркадьевич, 25 лет, капитан Нижегородского драгунского полка, двоюродный дядя Лермонтова, его неизменный спутник в последней поездке на Кавказ, жил в Пятигорске в одном доме с Лермонтовым.

Васильчиков Александр Илларионович, 22 года, титулярный советник, назвал себя секундантом Лермонтова на дуэли.

Глебов Михаил Павлович, 21 год, корнет лейб-гвардии Конного полка, участник боя на реке Валерик, воевал в лермонтовской команде "охотников" осенью 1840 года, проживал в одном доме с Мартыновым, назвал себя секундантом Мартынова, спутник Лермонтова по дороге на дуэль, согласно общим показаниям, "командовал" дуэлянтами.

По версии П.А.Висковатова, "кроме четырех секундантов... на месте поединка было ещё несколько лиц в качестве зрителей, спрятавшихся за кустами, — между ними и Дорохов". Упоминается и ящик шампанского, привезенного туда, чтобы отметить ожидаемое примирение участников.

Истинные обстоятельства гибельной дуэли Лермонтова 15 июля 1841 года, которую современники неизменно сопоставляли с такой же гибельной дуэлью Пушкина, до сих пор неизвестны. Прежде всего потому, что сначала 4 августа по решению императора и самодержца всероссийского Николай I дело было передано из гражданского в военное судопроизводство, которое было завершено уже 8 августа, а затем при-

говор военного суда: "лишить чинов и прав состояния", — был лично государем "конфирмован" таким образом, что оказался чрезвычайно мягким для проходивших по этому "дуэльному" делу Мартынова, Глебова и Васильчиковых. Двух последних государь простил, в первом случае — "по уважению полученной им в сражении тяжёлой раны", а во втором — "по вниманию к заслугам его отца", Мартынову же Николай I присудил три месяца гауптвахты в Киевском гарнизоне и церковное покаяние. Трубецкой и Столыпин-"Монго" из поля зрения тогдашнего российского правосудия, как говорится, просто "выпали", поскольку, согласно их показаниям, якобы не доехали вовремя до места дуэли...

Иными словами, всё, что касалось дуэли и смерти Лермонтова, всячески "замазывали" с момента дуэли и вплоть до кончины последнего её свидетеля, князя Васильчикова, в 1881 году, то есть на протяжении сорока лет, а до смерти Николая I любые упоминания об этом событии вообще находились под запретом. Следствие же велось таким образом, что арестованные имели возможность свободно общаться между собой и с третьими лицами, изменяя свои показания в "нужном" направлении. Вплоть до того, что пару дуэльных "кухенройтеров" якобы забрал себе сам Столыпин-"Монго" "в память о Лермонтове" — с согласия команданта Пятигорска, 69-летнего полковника Василия Ивановича Ильяхшенкова, который "подменил их другими".

Мартынов, как свидетельствуют его современники и сослуживцы, стрелком был посредственным, храбростью на поле боя тоже не отличался, что сильно испортило его репутацию в русских войсках на Кавказе. Обстоятельства его выхода со службы в феврале 1841 года, когда Лермонтов был в отпуске в Петербурге, также достоверно неизвестны. Официальное прошение отпустить его со службы "по домашним обстоятельствам" он подал сам, оно было удовлетворено с повышением в чине до майора, то есть обычным порядком, однако с Кавказа Мартынов так и не уехал, продолжая возвращаться в местном курортном "водном" обществе и удивляя приезжих экстравагантным "церковским" костюмом с огромным жилжетом на поясе. Возможно, искал себе выгодную партию, но не исключено, что начал выполнять и другие функции, на что намекает известная эпиграмма, написанная Лермонтовым как раз летом 1841 года, незадолго до роковой дуэли:

*Скинь бешмет свой, друг Мартыш,
Распашись, сбрось кинжалы,
Вздень броню, возьми бердыш
И блюди нас, как хожалый!*

Придаться вроде бы не к чему, дружеская шутка, не более того, но "хожалый" — это ведь служитель при полицейском участке, а "блюсти" — значит наблюдать. Кстати, практически одновременно с последним выездом Лермонтова из Санкт-Петербурга на Кавказ, который состоялся утром 14 апреля 1841 года, тем же маршрутом 18 апреля отправился подполковник III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (Корпуса жандармов), офицер по особым поручениям Александр Николаевич Кушинников (1879 г.р.), командированный в Пятигорск для секретного "назора за посетителями минеральных вод". Кушинников прибыл на место раньше одного из главных своих подопечных, поскольку не делал в пути остановок и отклонений от маршрута (вроде упомянутого выше визита Лермонтова и Столыпина-"Монго" в тульское имение Глебова).

Видимо, Лермонтов полагал, что быстро разоблачится в новой для себя ситуации и новой роли "друга Мартыша", но против него, похоже, "играла" не только и не столько жандармерия во главе с А.Х. Бенкендорфом, но куда более серьёзная структура, главой которой был военный министр Николай I (с 1828 по 1852 гг.), знаменитый "Джеймс Бонд XIX века", сумевший обмануть самого Наполеона, князь (с 16 апреля 1841 года) Александр Иванович Чернышёв, чьё доверенное лицо, флигель-адъютант Александр Семёнович Траскин, служил с 1837 года начальником штаба Отдельного Кавказского корпуса и с 6 июля непосредственно находился в Пятигорске, не исключено — управляя многими событиями последующих дней, вплоть до гибели Лермонтова. Если так, то становится понятно, почему "дружеская ссора" и ставшая следствием её дуэль, которую все участники вроде бы не воспринимали (или, напротив, делали вид, что не воспринимали) всерьёз, завершилась столь трагически...

Владимир ВИННИКОВ